

В. С. ГРЕХНЕВ

ЭТНОСЫ КАК ОБЩНОСТИ ЛЮДЕЙ

Этносы (в переводе с древнегреческого «этнос» означает группу, племя, народ) – это своеобразные общности людей, представляющие собой определенную социокультурную форму и способ общежития людей. В этом смысле этносы всегда отличны от рас – групп людей, отличающихся друг от друга относительно стабильными природными характеристиками – некоторыми общими анатомическими признаками внешнего вида составляющих их людей.

Вопросы этнических общностей (этносов) издавна занимали видное место в трудах многих исследователей. При этом основное внимание Геродота, Ксенофонта, Страбона, Тацита и других ученых древнего мира концентрировалось на описании особенностей жизни известных им этносов (народов) и их характеров в связи с различиями географических условий¹. Примерно таким же образом рассматривается эта проблема и в новое время в учениях Кондильяка, Локка, Юма, Гельвеция, Гердера, Канта, Гегеля. Так, например, у Гегеля народ, или нация (этнос, народ, нация – эти понятия тогда отождествлялись), имеет естественное происхождение, тесно связан с природным духом, ибо и образ жизни, и занятия, и особые направления ума и воли народа обусловлены самой природой – близостью потребностей и взаимодействием их удовлетворения. Однако этнос (нация), по Гегелю, – это общий, единый дух, коллективная душа, до которой поднимается живущий в народе природный дух.

У С. Н. Булгакова национальность (в отечественной литературе почти всегда понятия этнического и национального рассматривались как тождественные) – это подсознательный или даже сверхсознательный инстинкт, поскольку люди, как он считает, не делаются, но именно рождаются сынами данного народа. Он утверждает, что инстинкт национальности из слепого переходит в сознание. Этот инстинкт переживается

¹ См., например: Страбон. География. М., 1964.

как род эроса, любви, мистического влечения к своему народу, как переживание соборности, т. е. нахождения себя в единстве с другими. С. Н. Булгаков особо подчеркивает, что национальность (этнос) – это как трансцензус, реальный выход из себя в соборность. Поскольку все инстинктивное не преднамеренно, то национальное сознание, национальное чувство, по Булгакову, может воспитываться и извращаться². Нетрудно заметить определенное сходство взглядов Гегеля и С. Н. Булгакова на этническое, которое рассматривается ими как нечто духовное и высшее, что изначально дано и присутствует в людях.

П. А. Сорокин целиком отвергает подобную метафизику рассмотрения национального (этноса) как вне- и сверхразумной сущности. Соответственно, он против и определения нации как коллективной души. Вместе с тем П. А. Сорокин не удовлетворен позицией, которая хотя и свободна от метафизики, но сводит этнос как общность к особой связи людей, возникающей на основе признаков единства крови, языка, религии, психологической природы. П. А. Сорокин считает, что нельзя на основе этих признаков видеть нацию (этнос) как целое, ибо отсутствует функциональное и социальное единство – специальная национальная связь. Иначе говоря, по мнению П. А. Сорокина, нет национальных проблем и национального неравенства, а есть общая проблема неравенства, поскольку нельзя отыскать специального национального (этнического) фактора, отличного от религиозных, экономических, интеллектуальных и прочих социальных факторов. В этой связи интересна сама мысль П. А. Сорокина о том, что национального (этноса) объективно не существует именно вне своего социального контекста – определенных экономических, политических, духовных отношений, взаимодействия людей в их единстве.

Отказывает нации (этносу) в объективном реальном существовании и видный английский ученый Э. Геллнер, который в своей известной книге «Нации и национализм» (1988 г.) исходит из нормативной идеи этноса (нации). Он выдвигает

² См.: Булгаков С. Н. Размышления о национальности // Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1993.

гает два принципа в обоснование своей идеи нации: принцип культурной общности и принцип добровольности. Во-первых, люди принадлежат к одной нации, если их объединяет одна культура – общая система ценностей (идей, способов поведения и общения), которые они разделяют. Это и есть принцип культурной общности, на основе которого, как считает Э. Геллнер, конституируется нация. Во-вторых, нации – это продукт человеческих убеждений, пристрастий и наклонностей, а поэтому, согласно Геллнеру, люди принадлежат к одной нации, если они сознательно идентифицируют себя с данной нацией, добровольно относят себя к ней. Это, как понятно, другой важный его принцип конституирования национальной общности – принцип добровольности. Несомненно, вычленение этих принципов для характеристики национального сознания индивида достаточно важно, поскольку осознание людьми своей принадлежности к определенной нации очень во многом зависит именно от того, кем человек себя ощущает, к какой культуре, языку он тяготеет. Известный аргентинский писатель и философ Х. Борхес писал по этому поводу, что быть, например, аргентинцем – значит чувствовать, что ты аргентинец. Однако понятно, что данное обстоятельство не является достаточным для характеристики формирования и развития этносов как объективно существующих форм общности самих по себе. Нетрудно видеть, что и у Э. Геллнера мы сталкиваемся с крайним социологическим субъективизмом в понимании нации, отказом рассматривать объективное существование этноса.

В современной отечественной научной литературе главным образом представлены две основные концепции по этническому бытию. Это противоборствующие друг другу концепции Л. Н. Гумилева и Ю. В. Бромлея. Рассмотрим и сравним их подходы в определении сущности этнического.

Широко распространено мнение, что Л. Н. Гумилевым представлена исключительно биологизаторская концепция этноса (нации). Однако это не совсем так. Л. Н. Гумилев действительно рассматривает этносы как часть биосферы Земли, подверженной влиянию взаимодействующих космических и земных электромагнитных полей и излучений, но он вместе с тем подчеркивает, что этнос не может считаться

только биологическим, равно как и только социальным явлением. Л. Н. Гумилев соединил, как он сам об этом неоднократно говорил, служение Прекрасной Даме Истории с признанием несомненных достоинств ее Мудрой Сестры Географии, которая роднит людей с их праматерью – биосферой планеты Земля. В этой связи он предлагает считать этнос явлением географическим, всегда связанным с вмещающим ландшафтом, который питает адаптированный этнос. Поскольку ландшафты разнообразны, подчеркивает Л. Н. Гумилев, различны и этносы³.

По мнению Л. Н. Гумилева, этнос является системной целостностью и возникает в определенное историческое время. Этнос – система закрытая (т. е. замкнутая, поскольку нет жесткой связи частей, но эти части нуждаются друг в друге), он получает один раз свою энергию, с помощью которой начинает существовать (живет примерно 1200–1500 лет), и, растратив ее путем рассеяния, этнос распадается (или образуется гомеостаз).

Особое внимание Л. Н. Гумилев уделяет этнической среде, которая, согласно его взглядам, есть как бы некое биополе – продолжение предмета за его пределами, или энергетическое поле, в котором существует этнос и формируется этническая принадлежность составляющих этот этнос людей. Это значит, по мнению Л. Н. Гумилева, что ребенок в чреве матери ни к какому этносу не принадлежит. Он неэтничен. Этническая принадлежность человека формируется на базе общения в этнической среде в течение 3–5 лет после рождения. Только то, что для ребенка было близким, знакомым и приятным в первые годы его жизни, и определяет его этническую принадлежность.

Таким образом, этносы, согласно Л. Н. Гумилеву, образуются в результате взаимодействия, симбиоза жизнедеятельности людей и ландшафта, когда они начинают дополнять друг друга. При этом получается, что ландшафт принудительно формирует соответствующий ему механизм поведения человека, в результате чего имеет место определенная форма его адаптации к данному ландшафту и складывается опреде-

³ См.: Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. Л., 1990.

ленный стереотип поведения человека в нем. Поскольку этносы как системы существуют в биосфере и представляют собой естественные, природные коллективы людей, они «вписываются» в ландшафт не только общим стереотипом своего поведения, адаптацией к нему, но и осознанием своего образа такого своего бытия этими коллективами, которые начинают противопоставлять себя, свое «мы» всем другим, кто не есть «мы». Социальные формы противопоставления «мы» и «они» связаны, как видим, с природными факторами бытия этноса. Это, по Гумилеву, как раз те формы, при помощи которых человек влияет на природу, воспринимает ее составляющие и включает их в свою культуру.

Важное место в обосновании Л. Н. Гумилевым связи этнических образований с биосферой (природными феноменами) отводится понятию «пассионарность». Пассионарность (от латинского слова «passio» – страсть) – это особое свойство характера людей (как бы его доминанта) – «необоримое внутреннее стремление (осознанное или, – чаще, неосознанное) к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели»⁴. По Л. Н. Гумилеву, неравномерность распределения энергии биосферы отражается на поведении этнических коллективов в разные эпохи и в разных регионах. Эффект, производимый вариациями этой энергии, и есть, по сути, пассионарность – особый нервно-психический настрой, а соответственно и поведенческий признак группы людей данного этноса. Следовательно, поведенческий признак – пассионарность, по Гумилеву, определяется ландшафтными и социальными условиями, а также силой самого импульса энергии биосферы, его образовавшего. Именно этим Л. Н. Гумилев объясняет, что все этносы оригинальны и неповторимы, хотя процессы этногенеза и сходны между собой.

Помимо пассионарности, как основного признака, отличающего этносы друг от друга, Л. Н. Гумилев вводит также понятия «конвиксия» и «консорция». Согласно Гумилеву, конвиксия – система общей жизни, а консорция – система общей судьбы этнических образований. Именно они выступают важнейшими социальными признаками, характеризую-

⁴ Гумилев Л. Н. Коней и вновь начало. М., 1994. С. 71.

ющими этногенез – историческое развитие самобытности каждого этноса. С его точки зрения, консорции способствовали сначала образованию субэтносов (субэтносами, если их рассматривать на примере этноразвития Франции, были бретонцы, бургундцы, гасконцы, эльзасцы, нормандцы, провансальцы), затем интегрированию субэтносов в этнос – французов. Французы, наряду с другими этносами (немцами, шведами, англичанами, итальянцами и др.), образовали суперэтнос – западноевропейский христианский, или цивилизованный мир, который существует, по Л. Н. Гумилеву, наряду с российским, мусульманским, еврейским и другими суперэтносами в сегодняшнем мире.

Этногенез как процесс развития этноса от его возникновения до распада, подчеркивает Л. Н. Гумилев, показывает, что все этносы своеобразны и их развитие неповторимо. Объяснением этого является, как считает Л. Н. Гумилев, различие силы самого энергетического импульса биосферы. Разными являются и ландшафтные, этнокультурные, социальные условия образования и развития этносов. Смысл этногенеза в утрате импульса, создавшего систему, до нулевого уровня – гомеостаз. Следовательно, этногенез, согласно Л. Н. Гумилеву, играет важную роль, ибо является звеном между биосферой и социосферой. Такова концепция Л. Н. Гумилева, в которой, как видим, тесно увязаны друг с другом природные и социальные факторы в определении сущности этнических образований людей.

Мне бы не хотелось как-то особым образом комментировать учение Л. Н. Гумилева, равно как с ходу отвергать или безоговорочно и целиком принимать все его суждения. Несомненно, в его учении есть положения, которые интересны и заслуживают внимания и поддержки. К таковым можно отнести:

1. Этносы как человеческие сообщества, социумы исследуются с учетом изменений в конкретных ландшафтных и климатических условиях.

2. Предложена глобальная концепция, рассматривающая все возможные варианты существования этноса, объясняющая развитие этнического облика на основе гипотезы о космобиологическом (т. е. едином и общем для всех людей)

происхождении побуждений и эволюции. Этнос – это сочетание природного (ландшафтного, климатического, космобиологического) явления с социальными (историческими) условиями развития жизни людей.

Вместе с тем в этой теории Л. Н. Гумилева есть, на наш взгляд, и некоторые еще недостаточно доказанные положения, равно как и просто гипотетические умозрения. Так, мне кажется не отработанным вопрос об энергетическом импульсе процессов этногенеза. Несколько слабее, чем этого хотелось бы, представлены в данной концепции социальные, в частности экономические и политические, факторы этногенеза. Но в этой теории есть и то, что подтверждается историей. Так, историческая наука подтверждает вывод Л. Н. Гумилева о том, что природная среда оказывает значительное влияние на формирование и развитие этносов, особенности проявлений их психологии и стереотипы поведения. Показательны в этом отношении исследования В. О. Ключевского, Е. Н. Трубецкого, В. В. Вейдле и многих других выдающихся историков и философов, которые на большом фактическом материале подтверждают именно эти выводы Л. Н. Гумилева. В. О. Ключевский, например, доказывал, что в образовании великорусского племени совместно действовали два фактора: племенная смесь и природа страны⁵. Он обратил внимание на то, что природа страны много «поработала» на своеобразие экономического строя и даже особого национального характера этнографического состава великорусского племени. На примере Верхнего Поволжья В. О. Ключевский показал, что обилие лесов и болот, преобладание суглинка в составе почвы, паутинная сеть рек и речек, бегущих в разных направлениях, и другие особенности этого края отложили глубокий отпечаток на быт великороссов. В этих условиях деревня в 2–3 крестьянских двора являлась господствующей формой расселения людей, поскольку удобные места для хлебопашества вокруг деревень попадались незначительными участками. Расчистка участков обитателями деревни была необычайно сложной работой: выжечь лес, выкорчевать пни, вспа-

⁵ См.: Ключевский В. О. Этнографические следствия русской колонизации Верхнего Поволжья // Ключевский В. О. Исторические портреты. М. 1990.

хоть целину. Конечно, хлебопашество, пишет В. О. Ключевский, едва-едва могло удовлетворить насущные потребности людей. Вот почему люди вынуждены были заниматься различными промыслами: охотой, рыболовством, бортничеством, лыкодерством. Соответственно, тысячи всяких опасностей подстерегали человека на этом пути. Это приучало его смотреть в оба: не соваться в воду, не поискав броду, быть изворотливым, осторожным, наблюдательным и, конечно, терпеливым.

Природа и быт определили, говорит В. О. Ключевский, психологию великороссов. Ведь природа часто смеется над самыми осторожными расчетами человека, и он, привыкнув к этим обманам, противопоставляет капризу природы каприз собственной отваги. Эта склонность дразнить счастье, играть в удачу, считает В. О. Ключевский, и есть знаменитое русское «авось».

Отсутствие привычки у русских работать ровно, размеренно тоже сформировалось, по свидетельству В. О. Ключевского, благодаря природе, в которой они живут. Короткое великорусское лето заставляет человека спешить, усиленно работать, чтобы сделать запасы на осень и зиму. Так человек, говорит В. О. Ключевский, приучался к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, а потом длительному отдыху в продолжение вынужденного осеннего и зимнего безделья. Нигде в Европе, подчеркивает В. О. Ключевский, нельзя найти способности к такому напряжению труда на короткое время.

Житейские неровности и случайности приучили великоросса больше обсуждать пройденный путь, чем заранее планировать свои действия. Это заметно отразилось, пишет В. О. Ключевский, на складе ума и манере мышления великоросса. Он выучился больше замечать следствия, чем ставить цели, составлять сметы и заранее что-то рассчитывать. Это меньше и есть то, говорит В. О. Ключевский, что мы называем задним умом, что даже нашло свое выражение в известной поговорке: «Русский человек задним умом крепок». Но задний ум, поясняет В. О. Ключевский, не то же, что задняя мысль. Своей привычкой колебаться и лавировать между неровностями пути и случайностями жизни великоросс часто производит

впечатление непрямоты, неискренности. Великоросс часто думает надвое, и это кажется двоедушием. Он всегда идет к прямой цели, хотя часто и недостаточно обдуманной, но идет, оглядываясь по сторонам, и потому походка его кажется уклончивой и колеблющейся. Ведь «лбом стены не прошибешь», и «только вороны летают прямо», – говорят русские пословицы. Природа и судьба, заключает В. О. Ключевский, вели великоросса так, что приучили его выходить на прямую дорогу окольными путями, а поэтому великоросс мыслит и действует, как он ходит.

Природа страны ощутимо влияет и на ее историю. Так считают вместе с В. О. Ключевским Е. Н. Трубецкой, В. В. Вейдле и другие выдающиеся наши мыслители. По мнению Е. Н. Трубецкого, в природе нашей страны есть какая-то ненависть ко всему, что слишком возвышается над окружающим. Эта ненависть, по Е. Н. Трубецкому, есть злой рок нашей жизни, поскольку она периодически сравнивала с землей все то, что над нею выросло. (Примеров этому, как понятно, в истории России предостаточно.) Продолжая эту мысль, В. В. Вейдле подчеркивает, что первый факт русской истории – это ее просторы, объясняющие, почему русскому человеку может показаться тесным расчлененный и перегороженный западный мир. А отсюда и отличное от западного понимание русскими свободы: не как право строить свое и утверждать себя, а как право уйти, ничего не утверждая и ничего не строя.

Другая концепция о сущности и особенностях этнического развита Ю. В. Бромлеем и поддерживается многими этнологами. Странники этой концепции определяют этнос как устойчивую совокупность людей, обладающих стабильными особенностями языка, культуры, психики, сознанием своего единства, которое фиксируется, в том числе в самоназвании – этнониме.

С точки зрения Ю. В. Бромлея, этнос – система, которая существует только в этносоциальной форме. Это значит, что этносов в их чистом виде в реальном процессе жизни нет, ибо этнос всегда обусловлен конкретными социальными факторами: язык, культура, психика, самосознание. Именно поэтому, с точки зрения Ю. В. Бромлея, этнос (этническая общность людей) – это, во-первых, особый исторически воз-

никший тип группы людей и особая форма их совместного (коллективного) существования. Во-вторых, этнос складывается и развивается естественноисторическим путем, он не зависит от воли входящих в него отдельных людей, ибо существует за счет самовоспроизводства⁶.

Ю. В. Бромлей считает, что человечество первоначально было безэтничным. По его мнению, возникновение этнических общностей относится к периоду развитого первобытного строя и связано с обособлением групп людей на основе некоторых особенностей их жизнедеятельности в определенных социотерриториальных условиях (формы быта, хозяйства, общения, верований). Однако в отличие от Л. Н. Гумилева Ю. В. Бромлей практически не выявляет и не исследует природные территориальные связи (ландшафтные, климатические) в формировании этносов, что, на наш взгляд, не способствует углубленному пониманию самих социотерриториальных условий формирования и развития этносов.

Важное место в своей теории Ю. В. Бромлей отводит этносоциальным процессам развития. Он подчеркивает, что эволюционные этнические процессы идут постоянно, ибо все время имеют место межэтническая интеграция и межэтническая дифференциация. В этой связи особое внимание он уделяет социальным факторам (экономическим, политическим), способствующим развитию этих процессов. В этом отношении у Ю. В. Бромлея в большей мере, чем у Л. Н. Гумилева, разработаны и объяснены различные состояния этносоциальной дифференциации людей. Так, например, Ю. В. Бромлей показал, что для обозначения всех групп людей, для которых характерны такие свойства, как единый этноним, общие черты культуры и психики, используется термин «этникос» (этникос – прилагательное от слова «этнос», которому в русском языке соответствует одно из значений слова «национальность» – принадлежность к этносу). Вполне понятно, что для этникоса (принадлежности к этносу) совсем не обязательна территориальная общность. Тот или иной человек или группа людей, принадлежа к какому-либо определенному

⁶ См.: Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987.

этносу, могут жить и развиваться вне специфической определенной территории данного этноса. Скажем, представители русского этноса могут жить в другой стране (иной территории, ином социокультурном пространстве), но все же оставаться русскими по всем характерным для данного этноса социокультурным признакам. Не случайно в современном мире практически в любом определенном этносоциальном пространстве можно встретить различные этнические группы (людей других национальностей), обособленные в пространственном отношении от материнских этносов, ячеек.

В современном мире все чаще приходится сталкиваться и с так называемыми этнопограничными (маргинальными) группами людей, у которых прежняя этническая принадлежность утрачивается или уже утрачена, а новая еще не укрепилась. Примером таких групп, несомненно, является второе и третье поколение эмигрантов, выходцев из России, переехавших на постоянное место жительства в США или другие какие-либо страны. Понятно, что в этом случае объективно определить их этническую принадлежность довольно сложно, и чаще всего это зависит именно от того, как свою этническую принадлежность человек определяет сам.

Показывая сложность и динамичность этносоциальных процессов в жизни людей, видимо, следует учитывать особенности социальных (культурных, психологических и других) условий и их варьирование и модификацию в жизни любого этноса. Показательным в этом отношении является, например, то, что в рамках того или иного этноса можно всегда выделить субэтносы – микроэтнические единицы этноса. Так, скажем, в русском этносе существуют казаки, поморы, сибиряки и др., жизнедеятельность которых связана не только с какой-то определенной территорией (местностью), но в том числе и с осознанием групповых особенностей тех или иных определенных компонентов культуры (говора, быта, традиций). Кроме того, этнические группы не изолированы друг от друга, ибо постоянно осуществляются процессы взаимообмена культурными ценностями. Все это лишний раз доказывает, что сами по себе социальные факторы (условия) бытия этносов меняются, а вместе с ними видоизменяются и усложняются этносоциальные процессы.

Рассматривая различные концепции особенностей понимания форм этнических общностей людей, следует, прежде всего, обратить внимание на то, что этнос – это все-таки социоприродное образование. Этнос сформировался, существует и развивается в определенных географических (природно-территориальных: ландшафтных, климатических) условиях. Вместе с тем общность жизни, судьбы, истории развития народа в данных природно-территориальных условиях формирует устойчивые связи людей на основе общности языка, культуры, психики, сознания и самосознания. Данную мысль о единстве происхождения, землячества и родства языка, культуры, исторической судьбы, которое заключает в себя любое этническое образование, хотелось бы особым образом подчеркнуть. Здесь может быть уместна аналогия с кипплинговским Маугли, который с детства должен был усвоить спасительный клич: «Мы одной крови – ты и я!» Примерно то же можно сказать и об этносе, ибо в общности родства, происхождения, исторической судьбы лежат и основания этнического.

Сформировавшись как социоприродное объединение, этнос в дальнейшем своем существовании и развитии постоянно испытывает на себе воздействие всех социальных, прежде всего экономических, политических и идеологических отношений. Собственно, отделить, вычленив этнос из различных социальных взаимодействий людей, представить его неким надсоциальным или сугубо природным образованием невозможно. Именно общественные отношения во всей их совокупности придают на каждом конкретно-историческом этапе своего развития причудливую картину этносоциального развития жизни людей. Данное обстоятельство наиболее последовательно подчеркивается, например, школой исторического материализма. С позиции исторического материализма этносоциальное развитие людей осуществляется на основе естественноисторического процесса смены общественно-экономических формаций. В рамках каждой общественно-экономической формации складывается определенный тип этносоциальной (исторической формы) общности людей. Показывается, что исторически первыми формами общностей, в которых осуществлялось становление

этносоциального развития людей, являлись род и племя. Род, племя, а затем и союз племен – это, как известно, формы организации первобытного строя. Уже в этих, главным образом кровнородственных, формах единения людей складывается общность говора, более или менее фиксированной территории, однотипных мифологических и религиозных верований. С разложением первобытнообщинного строя, возникновением классов и государства на смену кровнородственным связям объединения людей приходят территориальные (полисы, провинции, княжества, графства, государства). Территориальный признак становится определяющим для такого этносоциального типа общности людей, как народность. Исторический материализм рассматривает народности специфическими формами этнических общностей людей в рабовладельческой и феодальной общественно-экономических формациях. Эти формы общностей образуются на основе единых социотерриториальных отношений людей (быт, хозяйство, диалект, культура, религия, обычаи, традиции). Каждая народность имеет и свои социоэтнические (политические, экономические, культурные) формы существования и развития. Так, на территории Германии в средние века, например, существовали различные народности: саксы, рипуарские франки, тюринги, швабы, фризы, – каждая из которых обладала собственной этнической идентичностью (хотя, как понятно, между ними существовало и много общих черт, что позднее стало немаловажным обстоятельством их сближения и интеграции).

Переход от феодализма к капитализму, согласно марксистской теории, обусловил образование такой этносоциальной формы общности людей, как нация. В этой связи обычно подчеркивается, что нация – это продукт буржуазной эпохи. Образование данного типа этнической общности людей объясняется складыванием единого капиталистического рынка (общностью экономических связей), формированием централизованных государств. Таким образом, нация рассматривается здесь определенным историческим типом завершения этносоциального развития общества, после которого возможны лишь слияние наций и их отмирание. Соответственно, в научной и публицистической литературе тер-

мин «нация» стал широко использоваться для обозначения особенностей жизнедеятельности любого этноса, то есть практически был ему тождествен. Кстати, это не противоречило первоначальному смыслу, который придавался термину «нация» (от латинского «natio» – народ), введенному в политический лексикон в XVIII веке. Французы, например, обозначали им третье сословие: буржуа, пролетариев, ремесленников, крестьян, выступавших против феодализма, монархии, церкви. В Германии это понятие олицетворяло идею единого централизованного государства, поскольку, как известно, Германия в этот период времени была политически раздробленной. Вот почему К. Маркс и Ф. Энгельс, вслед за Гегелем, применяли термин «нация» чаще всего к государственным образованиям, но иногда, правда, этот термин ими применялся и по отношению к народам, не обладавшим своей государственностью или входившим в состав многонационального государства.

Таким образом, сложилась такая традиция научного употребления понятия «нация», когда оно в значительной мере обозначало именно политико-этническое состояние общества. Именно в русле такой традиции дал в 1913 году свое довольно широко известное определение нации И. В. Сталин. Опираясь на бытовавшие тогда в среде социал-демократов подходы к пониманию нации, И. В. Сталин предложил рассматривать ее особой исторической формой общности людей. Он пытался доказать, что эта форма складывается и развивается на основе следующих основных признаков: 1) общности экономической жизни (связей) людей; 2) единой территории (зачастую совпадающей с границами централизованного государства); 3) литературного языка; 4) общности психического склада, проявляющегося в общности культуры⁷.

Как видно, в таком представлении нация – именно этнополитическая форма общности людей, поскольку все собственно ее этнические характеристики (язык, психология, культура и даже территория) подчинены и вытекают из их политической целесообразности. В этой связи для марксист-

⁷ См.: Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // Соч. Т. 2. М., 1954.

ского общественнознания отнюдь не являются случайными такие нередко используемые политические характеристики нации, как «формирующаяся», «сформировавшаяся», «угнетающая», «угнетенная», «великодержавная», «зависимая», «аннексированная», «ассимилирующаяся» и т. п. Это и понятно, нация – этнополитическая форма общности людей, т. е. такая форма консолидации этноса, при которой возможно не только выживание, но и реализация более или менее общих для всех ее представителей стратегических целей и интересов своего существования и развития. Политики вместе со средствами массовой информации, естественно, помогают людям осознать не только эти свои цели, интересы, но и свое бытие с другими народами и государствами. При этом в их характеристике себя и других этносов могут использоваться, к сожалению, не всегда адекватные политические оценки, поскольку чаще всего они пытаются выразить это отношение лишь в общем и, естественно, только через свои интересы. Таким идейным установкам, как понятно, могут соответствовать и вполне определенные практические подходы в решении этносоциальных вопросов, ибо они всецело исходят только из политической целесообразности. Все это, как понятно, не способствует должному пониманию людьми друг друга, провоцирует конфликты и затрудняет общение.

Акцентирование внимания только на политических моментах в содержании этносоциальных общностей и их развитии неизбежно ведет к противопоставлению одних народов (наций) другим. Все это рано или поздно может способствовать возникновению идеологии и психологии национализма – укоренению сознания об изначальном национальном превосходстве, представлениях о национальной исключительности одного народа перед другим.

Национализм – амбивалентное явление, имеющее и положительный, и отрицательный (опасный) потенциалы. Национализм (и такая его разновидность, как шовинизм) – по преимуществу политический принцип осознания этносоциальных взаимоотношений людей. Как верно свидетельствует Э. Геллнер, этот принцип предполагает, что политическое и этническое целое (национальное) должны совпадать. Однако этот идейный принцип, как и чувство, отмечает Э. Геллнер,

состоит в том, что политическая и этническая (национальная) единицы не совпадают, нарушаются, когда, например, политическая граница государства не охватывает всех представителей соответствующего этноса; или, охватив их всех, включает инородцев; или этнос не имеет собственного национального государства. Иначе говоря, межэтнические (межнациональные) конфликты порождены неправильной политикой, они зарождаются, когда интересы той или иной этнической общности нарушаются, когда попираются ее специфические ценности. В этом случае национализм неизбежен. Приходится опять применять политический, классовый подход (как это делал, например, В. И. Ленин), чтобы отличить (поставить разные знаки) национализм угнетенной и угнетающей нации. Однако все это можно сделать лишь тогда, когда за основу берется приоритетность интересов какого-либо определенного субъекта общественной деятельности. А это означает, по существу, что такое определение всегда будет нести сугубо идеологический, но не научный характер.

Как видим, вопросы этнических (национальных) взаимоотношений людей во многом обусловлены политикой. Поэтому при решении тех или иных национальных вопросов следует, конечно, учитывать и их политическую компоненту, не пытаясь при этом ее абсолютизировать и не стремясь подчинить ей все содержание этнического развития. Вместе с тем и любая реальная политика должна исходить из наличия прочных и долговечных национальных интересов, но связанных, прежде всего, с социокультурными потребностями людей. В этом смысле, наверное, стоит несколько иначе подойти и к использованию самого термина «нация». По-видимому, правы те ученые, которые, видя исключительную политическую загруженность содержания понятия «нация», отказываются от его отождествления с понятием «этнос». Можно согласиться с ними в том, что о нации следует говорить лишь тогда, когда этнос или этносы политически консолидированы в рамках единого государства и практически полностью идентифицируют себя с ним. Скажем, в США и сегодня живут представители самых разных этнических групп, однако все они так или иначе идентифицируют себя с американцами, консолидируясь в «плавильном котле»

всех штатов государства в единой американской нации с ее общезначимыми интересами и целями общественного развития. Сходные процессы идут и в Российской Федерации, где проживает около ста различных этносов. Правда, сегодня еще рано говорить о полной консолидации всех народов России в общероссийскую нацию, или нацию россиян, поскольку общезначимые интересы всех населяющих Россию этносов еще не стали приоритетными, и имеют место этническое местничество и этнический эгоизм. Однако процессы формирования общероссийской нации идут, и если они не будут нарушаться неправильными политическими решениями, например ущемлением социокультурной идентичности каких-либо этносов, то в будущем можно будет говорить о россиянах – надэтнической национальной общности людей.

Для современного общественного процесса характерно глобальное этническое возрождение – тяга к осмыслению прошлого своего народа, стремление к выявлению его собственных исторических и культурных потенциалов развития жизни. Такое возрождение во многом связано с устранением экономических, политических и прочих несправедливостей в условиях складывающихся де-юре равноправных взаимоотношений различных народов в современном мировом сообществе. Вместе с тем, этническое возрождение есть и результат естественной реакции людей на объективные процессы научно-технического прогресса, связанные с нивелировкой этносов, игнорированием их культурной и исторической самобытности. В этническом возрождении нельзя сбрасывать со счета и возникающую на почве конкурирующей деятельности человеческих сообществ напряженность в использовании природных ресурсов по мере обострения экологических проблем. Все это значительно влияет на динамику этносоциальных процессов в современном мире – эскалацию разного рода межнациональных конфликтов.

В современном мире во многих его точках имеют место этнические региональные конфликты (Ирландия – Англия, Грузия – Абхазия), где противостояние этносов друг другу обусловливается его доминированием в рамках единого государства. Эти конфликты ведут к войнам, втягивают в свой конфликт другие государства и народы, создавая постоянный

очаг напряженности.

Широко распространены в современном мире и так называемые импортированные этнические конфликты, которые показательны для ФРГ, Франции, США и некоторых других постиндустриальных стран, когда в условиях достаточно высокого уровня безработицы среди коренных жителей импортируется иностранная рабочая сила. В этом случае классовая борьба неизбежно приобретает вид этнических столкновений.

Имеют место и внутренние противоречия, которые могут быть названы как насаждаемые этнические конфликты – длительные разногласия, приобретшие международное значение, как, например, арабо-израильский или югославский конфликты.

Все эти конфликты, естественно, дестабилизируют общественную обстановку, служат очагом разрастания насилия, войн, терроризма. Все они, как видим, опять же имеют политическую подоплеку, а поэтому требуют, прежде всего, должного политического их решения. Однако любое политическое решение этнических проблем (в этом согласны почти все люди) должно строиться на такой стратегии, при которой сохранение национальной идентичности будет сопровождаться глубокими процессами вхождения и интеграции этноса в общечивилизационную, миросистемную поступь всего человечества. В этом смысле как никогда приобретает свое актуальное значение мысль нашего выдающегося философа В. С. Соловьева о том, что народ, который желает сохранить свою душу в исключительно замкнутом национализме, теряет ее, ибо только тот народ, который полагает свою душу в сверхнародное, вселенское, сохранит ее.

Сегодняшние этносоциальные процессы в мире как никогда показывают правоту В. С. Соловьева. Ведь любая национальная замкнутость, эгоизм, чванство чреватые серьезным отставанием народа, страны в магистральном шествии по пути научно-технического и культурного прогресса. Можно надеяться, что люди все более и более будут осознавать это, и, наверное, не скоро, но настанет такое время, когда, как сказал наш гениальный поэт, «народы, распри позабыв, в великую семью соединятся».